

OCENE - ZAPISKI - POROČILA - GRADIVO

СЧАСТЬЕ И СВОБОДА: ОБ АНДРЕЕ АНАТОЛЬЕВИЧЕ ЗАЛИЗНЯКЕ

Эссе о русском лингвисте Андрее Анатольевиче Зализняке (1935—2017), о связи его личных черт с его индивидуальностью как учёного. Используется материал посмертно опубликованных биографических материалов, в том числе автобиографической прямой речи А. А. Зализняка.

Ключевые слова: Андрей Зализняк, личность ученого, история лингвистики

An essay of the Russian linguist Andrei Zalizniak (1935—2017) and of the links between his personal traits and his individuality as a scholar. The text is based on the biographical material published posthumously, including the autobiographical first-person account by Zalizniak.

Keywords: Andrei Zalizniak, personality of a scholar, history of linguistics

В 1942 году в поселке Манчаж на Урале, где скопилось много эвакуированных семей с детьми, был устроен кружок иностранных языков. Преподавали на них такие же бежавшие от войны женщины. В городских детях, оказавшихся в голодном уральском посёлке, хотели «поддерживать интеллигентность».

Набрали группу немецкого языка — это был главный иностранный язык в советской школе до войны и остался им, когда немцы стали главными врагами. Детей-первоклассников учили простым фразам. «Анна и Марта купаются. Я еду в Анапу». Они их заучивали и повторяли.

А один семилетний мальчик вместо этого сам, по своему почину, составил табличку: как по-немецки называются все известные ему цвета. Он захотел учить немецкий в виде замкнутых списков слов, охватывающих все явления. И начал с цветов радуги. Простые фразы его не очень интересовали.

Матери мальчика сказали, что у ее сына нет способностей к языкам, «это не его область». И из кружка его надо забрать.

Андрей Анатольевич Зализняк потом вспоминал эту историю не только с юмором, но и всерьёз — как «просветительную» для себя. Делом жизни для него стало представить язык в виде строгих, ясных правил и исчерпывающих списков, выявить его закономерности столь же кристально, что и в математике. Его «визитной карточкой», в частности, стали предельно краткие конспекты грамматик разных древних и новых языков, а потом полное алгоритмическое описание

русских склонений и спряжений, созданное еще в 1960-70-е годы, которое «ввели в компьютер» сразу же, как такой компьютер появился, — и используют до сих пор.

Вот что рассказывает о себе Андрей Анатольевич на страницах недавно вышедшей книги М. М. Бурас *Истина существует* (Бурас 2019). Это необычная биография — кроме автора, в ней постоянно звучит прямая речь десятков людей, знавших Зализняка в разные периоды его жизни, а также самого героя.

«Была такая толстая грамматика французского языка на 800 страниц — не пошло. У меня какое-то было ощущение, что не может быть. Не может быть, чтобы было нужно 800 страниц, я же не могу 800 страниц запомнить! И я стал сам себе составлять грамматики и словари»

Именно стремление увидеть в языке базовую стройную систему, а не хаос деталей (при полном уважении к ним!), стало причиной другого его замечательного открытия — еще не побывав ни разу в Новгороде, не видя берестяных грамот в глаза, он понял, что многие грамоты читают неправильно, что в них совсем другая грамматическая система и орфография, чем та, к которой привыкли специалисты. И в рамках этой системы они написаны почти без ошибок — а не как бог на душу положит.

Кстати, почему-то эта тяга к системности, вопреки той учительнице, не мешала ему разговаривать и понимать на иностранных языках (хотя он из скромности всегда утверждал обратное). Венгры и молдаване принимали его на улице за своего, а венецианцы спрашивали у него дорогу на своём диалекте. В «Науке и жизни» одна журналистка написала о молодом Зализняке, что он знает сорок языков. Это было преувеличением, из-за которого он очень рассердился — понятие «знать» очень относительно, лекции Зализняк научился читать, например, всего-то на каких-то четырех языках, включая русский, — но до последних лет он мог с интересом пролистать пришедшую в Институт славяноведения, где он работал, книгу на албанском или сделать тонкие поправки к исландским примерам, которые были приведены в прочтенной им диссертации в качестве второстепенной параллели. В том, чтобы объясниться на языке той страны, где он находился, Зализняк находил азарт и дело чести, не зависящие от практической необходимости. Он обожал пересказывать историю, как французский лингвист Антуан Мейе, приехав в Германию, ночевал на вокзале, так как, не зная немецкого, не смог купить билет. «Мне думается, Мейе подозревал, что какой-нибудь матрос, зная три-четыре слова (или даже не зная ни одного), успешно решил бы и не такую жизненную проблему; но ему было легче просидеть целую ночь на вокзале, чем так уронить идею бесценности и незаменимости языка. Во всяком случае, я знаю за собой немало эпизодов совершенно такой же структуры, пусть с несколько меньшими жертвами, чем ночь на вокзале».

Андрей Анатольевич Зализняк родился в Москве в 1935 году, его родители принадлежали к технической интеллигенции. К будущему призванию его толкала одна случайность за другой. Сначала поездка в детстве на край доступного света, в разоренную войной, но еще не растворившуюся в советском русскоязычном

пространстве западнобелорусскую деревню к дальним украинским родственникам, говорившим еще и по-польски (а рядом нашелся и священник, знавший латынь). Потом подростковая футбольная травма, после которой был предписан полный покой, а в руки попала французская грамматика («и действительно, поскольку лежать нужно было недели две, то с тех пор я ее более-менее знаю...»). Наконец, совершенно фантастическое в те времена событие — год в Париже, куда его отправили учиться по обмену в первые оттепельные месяцы. Там он попал в студенты к крупнейшим лингвистам XX века, историкам и теоретикам языка. И он полюбил Париж на всю жизнь. А прежде чем полюбить и даже увидеть, выучил его по картам и книгам наизусть, а потом стал не столько знакомиться с ним, сколько узнавать его.

Тогда поездка за границу для советского человека была чем-то вроде полёта на Марс — отсюда эта удивительная память на еще не виденное и стремление запомнить всё навсегда — «а вдруг в последний раз», и постоянные ощущения «совершенной ирреальности происходящего», настигавшие его потом в разных странах. Новые путешествия начнутся только в перестройку, в конце 1980-х (причем по состоянию здоровья — последствия той самой футбольной травмы — Андрею Анатольевичу тогда уже нельзя было летать, и странствия с пересадками на не всегда пунктуальных поездах добавляли в сюжет авантюры), но привычка запоминать всё сохранилась. Вот такие высказывания встречаются в разных местах его книги *Прогулки по Европе* (Зализняк 2018) — хронике путешествий, собранной из литературно обработанных самим Андреем Анатольевичем дневниковых заметок и фрагментов писем:

Названия улиц почти все знакомы, и каждая надпись дает какой-то странный резонанс в душе. Ощущение, что ты всё это прекрасно знаешь, только просто еще не видел. Вот если сейчас поверну налево, то выйду к Сене у самого Нотр-Дама. Поворачиваю — он действительно стоит на своем месте. В свете солнца ровно там, где и должны быть, поблескивают химеры....

Fondamenta Nuove напротив острова Сан-Микеле. Чувство нереальности, парадокса: я этот остров в любой момент могу ясно увидеть с закрытыми глазами, а тут он сверх того еще и сам стоит!

Разумеется, никогда не спрашивая дорогу: это вопрос чести...

А видеть ни на одном перекрестке не видел ничего, чего бы не видел столь же явно в произвольный момент в произвольном месте, закрыв глаза. Даже уже и не понимаю, хорошо это или плохо.

Мой туризм состоит теперь только в том, чтобы видеть виденное, а еще точнее то, что и так прочно нарисовано на оборотной стороне век.

Зализняк, действительно, обладал отличной памятью, в том числе профессиональной, но понимал, что для учёного это не главное. Я помню его фразу на семинаре: «Знание, куда надо посмотреть, стоит ровно столько же, сколько хорошая память». Это был его фундаментальный педагогический принцип: «Я

хочу, чтоб они умели на мой вопрос найти ответ. Хотите — в памяти, хотите — в записи, хотите — в книге. Хотите — из соображений общего порядка». Он любил задавать вопросы и получать удовольствие от того, как слушатели находят разгадку. На этом строились его легендарные ежегодные «берестяные» лекции, тридцать лет созывавшие в переполненную аудиторию МГУ толпы, от академиков до школьников, и эта пёструю аудиторию держал в идеальной тишине его артистизм, нараставший от начала (всегда трудного и «на нервах») к концу лекции. Когда он был в Словении на съезде славистов в 2003 году, на его доклад собралось гораздо больше слушателей, чем мог вместить зал Люблянского университета (в дневнике скромно записано: «Было примерно человек 130»), и организаторы отвели ему вдвое больше времени, чем полагалось по регламенту.

Думаю, искусство вопроса и беседы с аудиторией пришло к нему «от противного» тоже во время парижской стажировки, где его любимый преподаватель индолог Рену вёл себя тоже блестяще, но иначе: «он все время говорит сам. Вопросов почти не бывает. Но это не потому, что вопросы задавать не полагается. Просто он так точно предвидит все возможные трудности, что успеваает их прокомментировать раньше, чем зададут вопрос».

В Париже 1950-х научная гениальность его только рождалась, но с ним были уже две другие черты, сопутствующие ему всю жизнь — внутренняя свобода и счастливый восторг перед миром. И обе они были связаны с его свойствами как учёного.

Зализняк не чувствовал себя скованным ни условиями советского государства (при том что мелочная тирания всех государств и самодурство любых чиновников вызывали у него примерно одинаковую иронию), ни научного социума (он ни минуты не стремился сделать карьеру — почести, от докторской степени до звания академика и множества премий, находили его сами не без помощи бескорыстных друзей, и он воспринимал это с неловкостью), ни устоявшихся мнений. Как вспоминала о нем жена — Елена Падучева, сама великий лингвист — «он как раз склонен на самом деле сам все придумать, а потом как-то судорожно искать, на кого бы сослаться». И очень радовался, когда иногда всё же оказывалось, что кто-то какое-нибудь из его открытий уже сделал: важнее приоритета ему всегда было независимое подтверждение находки. Как правило, это были знаменитые лингвисты XX века, в компании которых было не так и стыдно прийти к финишу вторым.

С каким наслаждением он, выросший за «железным занавесом», пересекал границы в буквальном смысле — в той еще дошенгенской Европе, где нарушение условий визы могло перечеркнуть дальнейшие планы, зато пограничники, если повезет, могли ничего и не спросить! Особое удовольствие приносили экстремальные проделки, свои и чужие: скажем, подняться на какую-нибудь гору во Франции и спуститься уже в Италии... Было такое чувство и в науке. Например, будучи по призванию «чистым лингвистом» и выступая за то, чтобы лингвистика была

отделена от литературоведения и «филологии» в широком смысле — как наука, более близкая к математике — Зализняк делал такие же авантюрные вылазки за пределы своей прямой специальности и в изучение древнерусских рукописей, и в текстологию, и, скажем, в финно-угроведение — причем специалистам в этих областях оставалось только подтвердить своим авторитетом находки, «вычисленные» им буквально на кончике пера.

Его счастье было в готовности ценить каждый момент красоту городов, пейзажа, людей, языковой системы, математической задачи. «Я ужасно рад, что бог дал мне такие нереальные и романтические мозги и что пёстрая толпа на бульваре Сен-Жермен или, если угодно, некрасивая студентка-парижанка, уткнувшаяся в книжку на ступеньках набережной, мне куда дороже, чем десяток пальто, да и толстых книг — тоже». Он любил скорость — «завораживающий лик спидометра с застывшей у правого края стрелкой» (сам Зализняк был прекрасным водителем) сливался для него с мелькающим пейзажем в «неправдоподобно счастливую нереальность, ощущение кульминации жизни...» «Образ ярмарочной карусели, вихря, свободы, счастья...» запомнился ему в парижском кино. Когда он хотел похвалить коллегу-лингвиста, он говорил: «какая у него быстрота решения» — и, конечно же, сам ей обладал в высшей степени. Эта «моцартианская лёгкость», про которую говорилось во многих статьях о нём, сочеталась в нём с огромной работоспособностью (как, собственно, и у настоящего, а не пушкинского Моцарта). Он мог решить задачу методичным перебором всех вариантов и умел обрабатывать (в том числе вручную, задолго до всяких компьютеров, но и после их появления тоже) огромные массивы информации — от карточек со словами до средневековых рукописей.

Для Пушкина, кстати, талантливый художник всегда был именно «проворным» или «быстрооким». В записках Зализняка есть зарисовки, сделанные именно таким художником, которому удаётся при помощи двух-трёх деталей и лаконичного синтаксиса дать запоминающийся образ:

Фантастичны голуби в воздухе, подсвеченные снизу. Подсвеченная пиния между сияющей аркой Константина и серебристым Колизеем реет в небе...

Поднимаю взгляд: вид, плавающий душу, — мягчайшей итальянской гармонической красоты и какой-то особой чистоты цвета и рисунка: горы — четыре гряды, от темно-зеленых до снежных; река, зеленая и охряно-коричневая; дома нежных расцветок (нет ни одного с резким цветом); мост — Ponte del Diavolo XV века; высоченный тонкий кипарис, соединяющий все горные гряды; скалы; итальянское небо.

Как совершенно по-набоковски кричит локомотив! — без нужды, для собственного удовольствия, как конь.

Все горы удвоены, как карточные дамы...

Он умел иногда ценить даже contemporary art — но предпочитал старых мастеров, помнивших, что мир бывает «не только безобразным». С восторгом он говорил о стиле и лаконизме берестяных грамот. Большая часть его работ о древненовгородском диалекте посвящена грамматике, орфографии, лексике грамот, но на страницах, казалось бы, строгих научных трудов прорывалось эстетическое чувство. Например, вот берестяная грамота 750, датируемая началом XIV в. — письмо от оружейника Степана недобросовестному клиенту:

Поклон от Степана Потке. Рассуди сам: ты мне не присылаешь ни самих доспехов, ни возмещения за них, ни платы за оковы — ни кун [денег в виде куничьих шкур], ни серебра, ни двух полтей [кусков мяса].

А вот что пишет об этом письме Зализняк:

Стилистика письма великолепна. Автор как бы просто приглашает адресата задуматься над несколькими фактами, явно нарушающими справедливость. Никакого банального резюме типа «так пришли же скорее». Чрезвычайная выразительность достигается, с одной стороны, предельным лаконизмом в изложении фактов... с другой — тройным повторением «ни ты мне», несущего основной эмоциональный заряд, и еще двумя ни в составе последней фразы.

Стилистику самих работ Зализняка тоже не спутаешь ни с чем. У него было немало авторских словечек, фразеологизмов и развернутых образов. И одно из них — слово «ровно», которое он, по признанию современников, ввёл в повседневную речь московских лингвистов в значении «именно» (а не только о ровном арифметическом количестве). Лингвист Николай Перцов заметил, что Зализняк владел большим диапазоном стилей — от сухого научного (и в нём как раз «ровно» употребляется строго математически!) до полемического, в котором он высмеивает псевдонаучные построения Фоменко, Чудинова и других, и этот отчасти сатирический стиль напоминает язык Гоголя. А есть еще книга, в которой Зализняк доказал подлинность «Слова о полку Игореве», и она, хотя это серьёзный труд по лингвистике, изначально адресована более широкому читателю, чем, скажем, алгоритмическое описание русской морфологии, и популярный стиль, демонстрирующий непреложность научных выводов, выдержан в ней очень последовательно. Излюбленная метафора Зализняка — научная «конструкция», которая, как «пирамида», состоит из нескольких «этажей» или «уровней» — или, как «цепочка», из нескольких «звеньев». Для безупречности доказательства эта «конструкция» уже на первом уровне должна содержать надёжные факты. Если уже там что-то весьма сомнительное — грош цена и дальнейшим выводам. Уязвимость подобных построений Зализняк-полемист показывал виртуозно и очень наглядно, специально выделяя «звенья» логической аргументации в «вязкой массе частных фактов».

С этим счастьем и этой лёгкостью сочеталось ощущение хрупкости жизни и призрачности человеческого бытия. В 49 лет Зализняк, только-только занявшийся берестяными грамотами, перенес инфаркт, а несколько лет спустя только срочная кардиологическая операция в Швеции спасла ему жизнь. С этого времени он

непрерывно помнил, что его «сердце работает на жилах из ноги», что времени не так много, и стремился найти душевное примирение с этим чувством. Именно этой теме посвящено единственное, кажется, сохранившееся его стихотворение, проникнутое тютчевскими мотивами: «Всё тот же сумрак — время неподвижно, / Лишь мы скользим в нем — мимо, в никуда...». Религиозным человеком он не был, а ощущение, похожее на катарсис, он ощущал от фильмов своего любимого Феллини. Вот слова из его дневника, которые особо выделяет в своей биографии и Мария Бурас:

Опять чувство, которое появляется только от Феллини: болезней нет, старости нет, смерти нет, жестокости нет, реальности нет. Есть только карнавал, добрый беспорядок жизни, мягкость, все во всех чуть-чуть влюблены...

Днем 24 декабря 2017 года Андрей Анатольевич умер — мгновенно, во время послеобеденного отдыха в своем кабинете; «баловень богов» даже в эту минуту. После него остались не до конца отредактированные книги, где разными цветами было размечено — какие фрагменты снять, какие добавить, какие уточнить, переделать, причем эти цвета комментировались в начале файлов. Он работал почти всегда один, без соавторов, но стремление к кристальности и логичности работы и забота о читателе привели к тому, что его ученикам и последователям осталось сделать сравнительно немного и подготовить последние книги Зализняка к печати.

Будем благодарны тому, что Андрей Анатольевич подарил нам, — и радоваться тому, чему радовался он.

ЛИТЕРАТУРА

- А. А. Зализняк, 2018: *Прогулки по Европе*. С.-Петербург: Нестор-История.
[А. А. Zaliznjak, 2018: *Progulki po Evrope*. S.-Peterburg: Nestor-Istorija.]
М. М. Бурас, 2019: *Истина существует: Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников*. Москва: Индивидуум.
[M. M. Buras, 2019: *Istina sušestvuet: Žizn' Andreja Zaliznjaka v rasskazah ee učastnikov*. Moskva: Individuum.]

Дмитрий Сичинава/Dmitrij Sičinava/Dmitri Sitchinava

Институт русского языка им. В.В. Виноградова

Российской академии наук;

Национальный исследовательский институт "Высшая школа экономики"

mitrius@gmail.com